

А. А. Черкасов. *Записки охотника-натуралиста*. Редакция, вступительная статья и комментарии Е. Е. Сыроечковского. М., 1962, 504 стр.

Книга А. А. Черкасова была опубликована около ста лет назад¹ и переиздавалась у нас и за рубежом неоднократно. В советское время она переиздана целиком впервые только в 1962 г., по наиболее полному авторскому изданию 1884 г. Появление этой книги ценно для этнографов в первую очередь тем, что показывает, какие богатые источники этнографических наблюдений и выводов может содержать старая географическая литература и литература путешествий, экономические и даже естественнонаучные сочинения. Конечно, все это нуждается в критической оценке. Этой цели в рецензируемой книге служат (хотя и недостаточно полно) предисловие и примечания, вносящие коррективы в некоторые утверждения автора или отвечающие на ряд его вопросов, которые были неразрешимы по состоянию науки того времени.

Автор «Записок» — горный инженер — прослужил в Восточной Сибири, на Алтае, частично на Урале сорок лет (1855—1895) и, что было характерно для деятелей второй половины прошлого века в России, совмещал свою служебную работу с научной-литературной. Постоянные разъезды по глухим местам тайги и степи выработали из него страстного и наблюдательного охотника и натуралиста.

Книга написана в популярном в 50—60-х годах жанре полубеллетристических очерков и принадлежит к лучшим образцам этой литературной традиции.

Сведения, сообщаемые им, представляют его личные наблюдения или почерпнуты от «достоверных» (стр. 272 и др.), «родовых промышленников» (стр. 243), т. е. охотников. В последнем случае автор старался сохранить их «типическую речь» (стр. 166); таким образом, его материалы являются, по существу, часто записью устных рассказов и лишней раз доказывают исконность этого жанра. В основном это рассказы о различных случаях при охоте на медведя, рысь, лося, джейранов (стр. 73—75, 166—167, 300—301, 339, 384). Много приведено в книге и промысловых легенд, услышанных как от русских, так и нерусских охотников Сибири — орочен, тунгусов (эвенков); «братских» (бурят). Узнать эти легенды ему удалось благодаря длительному контакту с местным населением. По словам автора, легенду о «бобре» — тигре — орочен сообщали «не всем, а лицам доверенным и коротко знакомым» (стр. 263). Он имел возможность сопоставить эту легенду с обычаями тех же орочен, нашедших след тигра (стр. 260), и др.

Книга делится на три раздела: «Техническая часть охоты», «Хищные звери» и «Снедные звери». Живой, увлекательный язык книги заставляет читать ее с неослабевающим интересом, однако многое в чисто охотничьих советах автора в наше время невольно отталкивает и недопустимо: истребление маток и молодняка, уничтожение животных и птиц в брачный период и пр. Иногда и у автора прорывается сожаление по поводу этих действий (стр. 280—281, 366). Сюда же следует отнести и вредные приемы охоты, ныне запрещенные: самострелы, ловчие ямы, заганивание по насту и пр. В редакционном предисловии справедливо подчеркнуто, что такая хищническая охота, приведшая к оскудению промысловых запасов Восточной Сибири, была естественна в то время, когда население там было еще редким, а запасы большинства зверей казались неисчерпаемыми.

Этнографический интерес представляют не только тщательные описания способов охоты, орудий лова — всего «репертуара сибирской охоты» (стр. 381), промысловой одежды и пр., но и бытовые зарисовки: например, сцены отправления охотников на «белковое», артельной жизни на промысле (стр. 454—467), указания различий в использовании добычи русскими и «туземцами» (считается ли животное съедобным, как используется шкурка, и т. п.), перечисление средств народной медицины, связанных с охотой (барсучье сало, желчь медведя, шкурка горностая и пр.).

Автор не ограничивал детального рассмотрения техники охоты и изучения промысловой фауны от широких экономических проблем: им не только прослежены особенности организации охоты, расчеты между членами артелей, система эксплуатации их скупщиками, но вскрыты и пружины, регулирующие усиление или ослабление размеров охотничьего промысла в Восточной Сибири в то время. Так, он объясняет упадок охоты 1850-х гг. передвижением населения на золотые прииски в северной части Нерчинского округа и образованием Забайкальского казачества, связанного службой (стр. 341). Черкасов предстает перед нами в книге как этнограф-демократ, с уважением относящийся к сибирякам-«простолюдинам».

Он хорошо знал быт орочен и считал своим долгом написать об этом впоследствии особо (см. стр. 263), но это намерение осталось невыполненным. Тем большую ценность составляют отдельные этнографические заметки об ороченях, щедро разбросанные в книге: описание их лодок и охоты с них с копыем (стр. 298—299), запрет убивать волка, задавившего оленя (стр. 127 и 392), погребальные обряды (стр. 103), типы прически (стр. 127—128) и пр.

¹ 1-е издание под названием «Записки охотника Восточной Сибири» вышло в 1867 г.

Книга Черкасова дает большой материал по культурным взаимовлияниям русского и коренного населения Восточной Сибири. Он старается проследить, например, какие типы ловушек были принесены переселенцами из России, а какие «составляют произведение остроумия сибирских инородцев» (стр. 110); он отмечает, что орошены стали применять доение оленей, так как русские присковые рабочие настаивали на продаже им оленьего молока (стр. 391), сообщает (по Пржевальскому) факт разрушения табу на тигра у гольдов под воздействием русских, охотившихся на этого зверя (стр. 200). Материалы, приводимые Черкасовым, позволяют сделать выводы и о влиянии коренного населения на русских. Так, в распространении у русских Забайкалья конной охоты, малоизвестной у русского крестьянства в других местах, сказались, видимо, влияние бурят. Были переняты русскими и элементы промыслового костюма.

Приводя промысловые легенды, Черкасов обычно указывает, какие из них известны у русских или у эвенков, например, а какие стали уже достоянием обоих народов. К последним относятся легенды о состязании изюбра с конем в быстроте бега (стр. 321—323) и о тарбагане (сурке). Тарбаган, по легенде, был тунгусом — метким стрелком из винтовки; на спор с богом он прострелил хвост летящей ласточки, отчего хвост раздвоился, а рассерженный бог превратил стрелка в сурка (стр. 433—434). Эта легенда была записана Черкасовым уже от русского.

Сообщая охотничью терминологию, названия промысловых животных, Черкасов последовательно отмечает, какие из них заимствованы русскими из «разноречивого языка здешних инородческих племен» (стр. 314), но, к сожалению, в большинстве случаев не дает справки, из какого именно языка.

Любопытны замечания Черкасова о некоторых «туземных» терминах, легших в основу образованных по нормам русской грамматики глаголов; упомянув о выражении, что козуль «облаивает», «сориданят или ургечат», он добавляет: «Впрочем, эти два выражения переделаны уже с туземного русскими промышленниками, которые зачастую употребляют их в обыкновенном разговоре, как и многие другие туземные слова» (стр. 363). В другом месте он упоминает, что многие животные «не носят русских названий и в образованном мире здешнего края» (стр. 407).

«Записки» А. А. Черкасова представляют вообще значительный лингвистический интерес; недаром они включены в число основных источников академического «Словаря современного русского литературного языка», о чем упомянуто в предисловии к книге (стр. 6). Некоторые приведенные автором образцы речений обогащают не только профессиональный, но и художественный, образный язык; например: «потух» зари (стр. 472), «начнет отбеливать на солнюсходе» — о рассвете (стр. 475). Так же образны и некоторые названия объекта охоты по наиболее ценной для охотника части тела животного: «струя» (кабарга, стр. 374), «панты» (изюбр, стр. 314). Подобно этому, в Беломорье зверобои называют гренландского тюленя «кожей». Интересны и упоминания автора об условном, тайном языке охотников Сибири.

Фольклор широко используется Черкасовым для освещения народного мировоззрения, а также как исторический источник. Пропикновение образа того или иного животного в национальный фольклор для него служит доказательством особого экономического значения этого животного в прошлом: соболь, пишет он, «по своей ценности и доброкачественности известен с глубокой древности и вошел у нас в народные сказки, песни и поговорки» (стр. 188). Свой тезис о разумности животных он подкрепляет ссылкой на устойчивый образ хитрой и находчивой лисы в фольклоре разных народов (стр. 128). Степень опасности охоты на разных животных в сознании охотников он иллюстрирует поговоркой «На медведя идешь, соломки бери, на кабана идешь, гроб тащи» (стр. 393).

Как натуралист, Черкасов широко привлекает поверья, касающиеся биологии животных, — обычно в качестве курьеза (самка глухаря оплодотворяется якобы, склеивая слюну самца на снегу, и т. п.). Иногда он старается показать пути, какими идет народное сознание: поверье о белке-летяге, которая якобы «выпаривает» детенышей из яйца, он связывает с тем, что она «летает» как птицы (стр. 249).

Много раз возвращается исследователь к распространенному промысловому поверью о «князьках» — животных, необычных для данной породы по цвету (белые соболи, волки, черные зайцы, «пеганые» изюбры и т. д.) или — реже — по величине (см. о зайце-великане, стр. 447). Шкурки их приносят якобы охотнику счастье или, наоборот, несчастье. Черкасов описывает обычай, связанные с хранением таких шкурок в семьях охотников, причем отмечает колебания в отношении к «князькам», зачатки скепсиса: «...Не все верят подобному вздору и равнодушно посмеиваются над простачками. Впрочем, таких очень немного...» (стр. 353).

Особое внимание Черкасова привлекал процесс создания новых легенд, когда непонятное или редкое явление начинало обрастать различными домыслами (исчезновение лисы, незаметно ускользнувшей от собак из норы (стр. 146); поимка выдры, попавшей в рыболовную снасть и принятой за водяного (стр. 211); выход лося — лесного зверя — в степь (стр. 272—273), и т. п.). По поводу криков рыси он пытается материалистически объяснить возникновение поверий вообще: «Как не принять этих диких звуков северному престолюдину за крики сатаны? Не отсюда ли произошли

лесовики, кикиморы, букушки, полуденки и прочие произведения быстрого воображения суеверного народа?» (стр. 158).

При расспросах охотников он старался выяснить, как осмысливают они сами то или иное поверье, считая без этого запись неполноценной (стр. 250). Сообщив о «суеверном обычае» русских («не говоря об инородцах») съедать на охоте почки убитого «снедного» зверя сырыми, он добавляет с сожалением, что «не мог дознаться причину и основания» этого (стр. 464).

Книга Черкасова может быть полезна для этнографов и фольклористов и тем, кто описанные им повадки животных и птиц и типические случаи на охоте помогают лучше понять конкретную действительность, легшую в основу известных фольклорных сюжетов. Сказка о лисе, например, занявшей хатку зайца, имеет широкие аналогии в нравах не только этого зверя (лиса занимает норы барсуков, причем иногда и хозяин остается в части того же помещения, стр. 177), но и других: барсук переделяет для себя сурочьи норы, покончив с их обитателями (стр. 176), куница помещается в беличьих и даже в птичьих гнездах (стр. 184), выдра, в свою очередь, — в лисьих и барсучьих норах, отнятых или пустующих (стр. 203). Есть аналогии и к сказкам о лисе, притворившейся мертвой (стр. 135).

Несколько слов следует сказать о редакционных примечаниях к книге А. А. Черкасова. Следовало бы комментировать не только его биологические и технические высказывания, но и некоторые этнографические. Конеч «крожной» на зайца, конечно, обжигали не для того, чтобы они походили «на обгоревшие пенки» (стр. 444), а чтобы сделать дерево крепче: обожженные наконечники деревянного оружия и орудий известны и у ряда современных народов, отставших в своем историческом развитии, и по археологическим находкам.

В ряде случаев редактор книги, привлеки специалистов, смог бы указать, с какого языка заимствован тот или иной термин, употреблявшийся русскими-сибиряками.

Книга иллюстрирована современными художниками-анималистами А. Н. Комаровым и В. Ф. Федотовым; это в основном удачные изображения животных и птиц, рисунков же охотничьей снасти в книге почти нет, а те, что имеются, взяты из авторского издания прошлого века.

Р. Липец

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

П. Г. Богатырев, *Словацкие эпические рассказы и лиро-эпические песни* («Збойничий цикл»). М., 1963, 191 стр.

В народном поэтическом творчестве позднефеодалного периода значительное место занимает образ «благородного разбойника» — социального мстителя. Именно в этом образе получили наиболее яркое воплощение социальные идеалы крепостных крестьян, их испанить к угнетателям, вера в возмездие, в торжество справедливости. У каждого народа свои герои антифеодалной борьбы, образы их имеют свои специфические особенности и в то же время им присущи многие общие черты, обусловленные сходством исторической обстановки. У словаков все эти черты наиболее полное воплощение получили в образе Яношика, знаменитого «збойника», действовавшего в начале XVIII в. Рассказы и песни о Яношике занимают в словацком фольклоре видное место. Они привлекали внимание ученых еще в середине прошлого века, в последние годы ряд исследований посвятил им словацкий фольклорист А. Мелихерчик¹. Недавно вышедшая книга проф. П. Г. Богатырева является дальнейшим шагом в изучении словацкого «збойничьего» фольклора. В ней ставятся и разрешаются некоторые существенные проблемы антифеодалного фольклора и использованы неопубликованные записи произведений о Яношике, в том числе и записи последних лет.

В первой главе книги рассматриваются устные рассказы (предания, легенды). Автор проследживает как развивались эти рассказы и как постепенно сложился яношиковский цикл. Он анализирует материалы судебного дела, дающие возможность установить некоторые первоначальные мотивы рассказов о Яношике. Возникшие еще при его жизни или вскоре после казни рассказы не имели ничего фантастического, они лишь идеализировали любимого героя. Позднее в них входят отдельные мотивы сказок и поверий. Взятые в целом эти рассказы создают яркий образ народного защитника, борца против панской неправды. В новых условиях, когда образ Яношика утратил агитационное значение, к нему были прикреплены и некоторые сюжеты рассказов о ловком воре. Так же в основном развивались предания о «благородных разбойниках» у других народов. Особенностью словацких преданий, отмечаемой П. Г. Богатыревым, является более тесная связь со сказками.

¹ A. Melicherčík, *Jánošikowska tradícia na Slovensku*, Bratislava, 1952, и другие работы.